

ОБ ИСТОКАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Анализируются истоки и сущность плюрализма (и релятивизма) в постмодернистской философии. Как одна из важнейших предпосылок постмодернистского плюрализма рассматривается позиция У. Джеймса. Показана тесная связь постмодернистского плюрализма с философией Р. Рорти и идеей относительности.

Ключевые слова: плюрализм; релятивизм; постмодернизм; истина; симулякр; философия Р. Рорти.

Почти любое описание постмодернизма содержит упоминание о плюрализме. Идеи плюрализма весьма популярны в наши дни – в философии, культурологии, политологии и в других сферах. Сегодня смысловой контекст термина «плюрализм» значительно расширился (см., например, [1–6]). Плюрализм перестал быть чисто философским понятием. Тем не менее плюрализм, утверждающий правомерность приоритета разнообразия в противовес единству, сам неоднозначен в своих трактовках и оценках. Достаточно обширной современной философской литературе о плюрализме [7. С. 21–32; 8. С. 426–468; 9. С. 34–36; 10. С. 12–14; 11. С. 1–4] недостаёт, на наш взгляд, компаративного анализа этого значимого явления, претерпевшего существенную эволюцию за последнее столетие. Возникает проблема адекватной оценки как самого феномена плюрализма, так и постмодернистской его версии. Тем более, что идея плюрализма в постмодернизме является одной из ключевых идей.

Затрудняет ситуацию также смешение плюрализма с релятивизмом в одних и тех же контекстах. Чаше это касается социокультурных контекстов, например при обсуждении культурной значимости каких-либо концепций или теорий [12. С. 116–117, 137], либо стиля мышления в эпоху глобализации [13. С. 171], когда релятивизм, антидогматизм мышления порой сочетаются с плюрализмом методологии: разнообразие ракурсов видения (относительность, релятивизм) одной и той же сложной проблемы и плюрализм путей (в разных культурах) её разрешения. Нам представляется, что в некоторой степени ослабить трудности можно путём обращения к истории вопроса, к истокам и предпосылкам идей постмодернистского плюрализма. В этой связи возникает ряд вопросов. Прежде всего, какого характера плюрализм представлен в постмодернизме? Какие сферы бытия он охватывает? Чем отличаются особенности постмодернистского плюрализма от особенностей раннего плюрализма, например такого, какой представлен в прагматизме У. Джеймса? Дело в том, что последний заметно повлиял на становление философских взглядов одного из ведущих современных американских философов Ричарда Рорти, а также (благодаря тому же Рорти) на философию постмодернизма вообще. В постмодернизме заметен и прагматистский элемент, также связанный с плюрализмом.

В этом плане свою задачу автор видит в том, чтобы: 1) проанализировать трансформацию философского содержания понятия «плюрализм», рассмотрев исторические предпосылки постмодернизма, и 2) выявить специфику постмодернистского плюрализма и срав-

нить его особенности с особенностями плюрализма У. Джеймса как одного из важнейших адептов идеи плюрализма вообще.

Как известно, термин «плюрализм» появился в трудах Х. Вольфа, чтобы противопоставить свою онтологическую и мировоззренческую позицию монизму. В современной интерпретации под плюрализмом подразумевают «философское направление, утверждающее, что мир состоит из многих принципиально различных, независимых и не сводимых друг к другу субстанций, первоначал, первосущностей» [14. С. 251]. В приведенном определении отражены мировоззренческая и онтологическая стороны плюрализма, однако он бывает также гносеологическим, методологическим, политическим, культурным и др. В гносеологическом плане с плюрализмом может ассоциироваться некоторое «неблагополучие» теории, например при возникновении в ней парадоксов. Вообще, плюрализм трактуют иногда как частный случай эклектики. К нему нередко прибегают, когда не удаётся последовательно провести монистическую интерпретацию исследуемых явлений. Под методологическим же плюрализмом подразумевается стремление «объяснить исследуемый объект взаимодействием множества независимых и не связанных между собой начал» [Там же]. Примером так понимаемого плюрализма может служить многофакторный подход к исследованию человеческого общества. Ситуация же, когда в демократическом обществе допускается нормальное сосуществование и деятельность различных партий, является реализацией политического плюрализма. Можно наблюдать аналогичную ситуацию и в сфере культуры – культурный плюрализм, или мультикультурализм. То, что существует многообразие видов плюрализма, по-настоящему было осознано лишь в XX в.

По-видимому, началом истории плюрализма следует считать идеологию софистов. Они первыми разработали (пусть пока ещё не столь последовательно) и применили принцип плюрализма мнений. Известное изречение Протагора «Человек есть мера всех вещей» является концентрированным выражением софистического плюрализма. Это изречение предполагает в качестве своего неявного основания идею одинаковости (аксиологической нейтральности) как в положительном, так и в отрицательном смысле. В качестве современного истолкования плюрализма М.А. Шестакова предлагает рассматривать философский постмодернизм. Являясь концентрированным выражением мировоззрения современности, постмодернистская философия развивает модель радикального плюрализма. В отличие от софи-

стики принцип плюрализма доведён в постмодернизме до логического предела, т.е. до прямого отрицания индивидуальности [15].

Если с плюрализмом сопоставить идею *относительности* (получившую особенно широкое распространение в философии и науке к концу XIX в.), то это течение сближается с *релятивизмом*. Нередки ситуации, когда эти течения вообще не различаются, хотя всё же – если иметь в виду буквальное прочтение этих терминов – различие имеется: плюрализм противостоит монизму, в то время как релятивизм – абсолютизму. Так, в уже цитированной «Новой философской энциклопедии» читаем, что релятивизм – это «философский принцип, подчеркивающий примат связи объектов перед их субстанциальными свойствами... Формулировка принципа релятивизма как недоверности и относительности всякого знания впервые встречается у древнегреческих софистов Протагора и Горгия...» [16. С. 442]. При этом, как и в случае плюрализма, здесь предполагают различать эпистемологический (гносеологический), методологический, социокультурный (этический, эстетический...) релятивизм.

Известно, что одной из характерных особенностей постмодернизма является критицизм в адрес своих предшественников, причём критицизм весьма радикальный. Особенно это касается критики абсолютов, а также канонизированных традиций, к которым относятся, например, универсальные категории, идеалы, нормы и методологические стандарты, сформировавшиеся ранее, прежде всего в эпоху модерна. Одной из таких канонизированных традиций, сформировавшихся в эпоху модерна и отстаиваемых Р. Декартом, Дж. Локком и И. Кантом, была *концепция репрезентации*. В самом общем виде, согласно этой концепции, познание – это субъект-объектное взаимодействие, это отражение (репрезентация) объекта субъектом. В качестве примера весьма созвучной с постмодернизмом критики этой концепции можно привести позицию Р. Рорти, который использовал для ее описания метафору зеркала, зеркального отражения. «Именно образы, а не суждения, – пишет он в известной книге “Философия и зеркало природы”, – именно метафоры, а не утверждения, определяют большую часть наших философских убеждений. Образ, пленником которого является традиционная философия, представляет ум в виде огромного зеркала, содержащего различные репрезентации, одни из которых точны, а другие – нет... Без представления об уме как зеркале понятие познания как точности репрезентации не появилось бы» [17. С. 9].

Взамен традиционной эпистемологии Рорти выдвигает проект «антирепрезентативистской культурологии» (который станет позже новой постмодернистской стратегией), причём проект этот свободен от дисциплинарных и мировоззренческих ограничений исследования социума и культуры. А ориентирует этот проект не только идея о творческой природе человека (т.е. о человеке, создающем, а не открывающем истины [Там же. С. 253, 255, 274]), но и идея о «вездесущности языка» как всеобъемлющей формы человеческого опыта. Действительно, в постмодернистском проекте, подобно резкой критике абсолютов, имеет место также и отказ от всякого рода «центризмов» и «иерархизмов». К тому

же эта постмодернистская децентрация и деабсолютизация утверждают антидемаркационизм, особенно распространённый в культуре.

В критике абсолютов, пустых, неэффективных абстракций и догматически отстаиваемых канонов у постмодернистов было немало предшественников. Среди них незаслуженно мало места, на наш взгляд, уделяют одному из основателей прагматизма У. Джеймсу. Его философия, как известно, сформировалась, прежде всего, под влиянием раннего прагматизма Ч. Пирса, эмпириокритицизма Э. Маха, а также неокритицизма и антиспекулятивизма Ш. Ренувье, и она была весьма критична по отношению к эпистемологической традиции Декарта – Локка (субъект-объектной модели и концепции репрезентации) и к резкому противопоставлению материализма (как монизма) идеализму. Именно прагматизм, как считал Джеймс, является самой радикальной формой эмпиризма, избегающей бессодержательных абстракций, априорных оснований, фальшивых принципов, замкнутых систем и ложных абсолютов [18. С. 29]. Человек, как полагал Джеймс, извлекает из опыта и комбинирует группы чувственных элементов в зависимости от своего внимания и интереса, поэтому необходимо обращаться к конкретному и доступному многообразию живой природы, к реальным явлениям, фактам и поступкам, а не к искусственным и умозрительным рационалистическим конструкциям, которые, к тому же, часто абсолютизируются. Поэтому естественным следствием доктрины радикального эмпиризма будет *плюрализм*. «Всякого, кто признаёт в качестве основной гипотезы, что плюрализм – постоянная форма мира, я называю радикальным эмпириком... Нет такой точки зрения, с которой мир мог бы представиться нам абсолютно единым фактом» [19. С. 5].

Джеймс выступал также и против абсолютизации репрезентативистской трактовки истины как «соответствия». Его прагматизм не принимает эту трактовку потому, что для него действительность не является чем-то готовым и законченным; она находится в процессе постоянного становления и ожидает своего завершения. Согласно Джеймсу, оправданы любые версии человеческого опыта, истинной же можно считать ту, которая позитивно влияет на человека. Следовательно, успешность, идеальность поведения может измеряться степенью его *приспособленности* к конкретным и эффективным действиям. Дело в том, что с самого начала своего философского творчества Джеймс полагал, что основой человеческого поведения являются психологические данные – информация, поступающая в организм от внешнего мира и вынуждающая его *приспосабливаться* к среде, к жизни.

Здесь просматривается связь этой важной идеи (идея приспособляемости, адаптации) с эволюционизмом Ч. Дарвина, который (прежде всего, идея естественного отбора) также влиял на становление философии Джеймса. В прагматизме, по мнению последнего, невозможна абсолютная оценка успеха при широком разнообразии жизненных условий и несопадающих воззрений на них. «Птолемея система, – писал Джеймс, – евклидово пространство, аристотелева логика, схоластическая метафизика – все они были удобны

в течение столетий, но человеческий опыт переступил поставленные ими границы, и мы в настоящее время называем эти вещи лишь относительно истинными, истинными лишь в известных пределах опыта» [18. С. 111]. Вместе с идеей относительности идея всеобщего оправдания разнообразия (и его приоритета, в противовес единству) стала весьма популярной и продуктивной у философов XX в., в особенности у Р. Рорти и постмодернистов.

У Рорти, резко критикующего концепцию репрезентации, идея соответствия всё же сохраняется, но в иной форме – как *соответствие контексту*. Вообще, понятие контекста у него (как и у постмодернистов) выражает, скорее, условия истинности. Если идея контекстуально уместна, эффективна и «работоспособна», то она, по мнению Рорти, истинна – совсем как в прагматизме. Отвергая корреспондентную концепцию истины как «реалистическую догму», он предлагает заменить эту, как он считает, изжившую себя эпистемологическую доктрину концепцией «согласованности» (когерентности) как соответствия утверждения, например, определённому культурно-лингвистическому контексту, принципам и требованиям той или иной «языковой игры», действующей в том или ином конкретно-историческом сообществе индивидов. «С этой “языково-игровой” точки зрения, – писал Рорти, – факт, что люди ощущают именно то, что они полагают в качестве своего ощущения, имеет не большую онтологическую значимость, чем факт, что... нарушение правил в игре – это то, что таковым считает судья. Следуя Витгенштейну, мы будем рассматривать интенциональное просто подвидом функционального, а функциональное – просто видом свойства, приписывание которого зависит скорее от знания контекста, нежели от прямого наблюдения в этот момент» [17. С. 25].

Как известно, термин «языковая игра» был введён Л. Витгенштейном для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвуют субъекты языковой деятельности (говорящий, пишущий и т.п.), субъекты дискурса. Понятие языковой игры подразумевает *плюрализм смыслов*. Здесь следует говорить как о равноправии различных видов дискурса и различных текстов, так и о том, что истина важна не сама по себе, а как средство обеспечения поведения людей, приспособления (в самом широком смысле) к той или иной ситуации. «Познавательные усилия, – писал Рорти, – которые не приводят к координации поведения, – это вовсе и не познавательные усилия, это просто игра словами» [20. С. 30]. Познание, согласно Рорти, есть «интерпретативное пере-описание» сущего с позиции ангажированного субъекта, вовлечённого в определённый социокультурный контекст; оно не отражает, а управляет, «справляется» с явлением, устанавливая его связь с другими явлениями того же контекста [21]. Понимание и интерпретирование означает «извлечение пользы» и умение «справляться с событием», это – способ держать ситуацию под контролем.

Одна из важнейших общих идей (как для Рорти, так и для постмодернистов) в отмеченной языковой проблематике – это идея *контекстуальности* в отношении языка и истины. Значение предложения, как полагает Рорти, зависит не от указания на объект, как это было в

неопозитивизме и в традиционных лингвистических концепциях, а от конвенций и контекста словоупотребления, что в конечном счёте демонстрирует плюрализм «языковых игр» и дискурсов.

Отстаивая приоритет разнообразия контекстов и их равноправие, Рорти утверждал, что если теория (или, пользуясь его термином, «словарь») удовлетворительно служит, она истинна. «Способ, каким вещи сказываются и используются, более важен, чем обладание истиной», утверждает Рорти [22. С. 360]. Заметим, что упоминавшиеся прагматистские «извлечение пользы» и умение «справляться с событием» напоминают упомянутую нами ранее джеймсовско-дарвинскую идею приспособляемости к конкретным жизненным ситуациям и эффективным действиям.

К радикальному плюрализму ведёт не только прагматистски и лингвистически ориентированный контекстуализм, но и идея симулякров. Будучи одной из самых показательных постмодернистских категорий, симулякр не имеет чёткого определения. Несмотря на разные трактовки этого термина, он, как правило, обозначает иллюзорный образ (однако без привычного нам оригинала или прототипа), маску, симулирование, т.е. демонстрацию того, что не обладает подлинной реальностью. Действительность при этом предстаёт неясной, размытой и неопределённой. Одна из главных черт симулякра заключается в том, что он не является искажённой копией реальности; у него просто отсутствует оригинал-прототип в виде подлинно реального объекта. Симулякр сам считается для постмодерниста единственной реальностью.

Различие между видимостью и подлинной реальностью снимается в постмодернизме за счёт отказа от традиционной идеи репрезентации, деления на оригиналы и копии, за счёт как бы «переворачивания платонизма вверх ногами», что, по мнению Ж. Делёза, «связано с возвышением симулякра и утверждением его в своих правах среди копий и изображений. Проблема более не связана с проведением границы как между сущностью и видимостью, так и между оригиналом и копией. Это различие полностью действует внутри мира репрезентации» [23. С. 235]. Вместо оригиналов и копий есть симулякры, т.е. потерявшие подобие образы, по отношению к которым уже неприменимо традиционное понятие соответствия или истинности. Их значение и значимость определяются через различие в области самих симулякров.

Своеобразие трактовки симулякров указывает ещё на один канал связи постмодернизма с *прагматизмом*, который, в свою очередь, неизменно подчёркивал корреляцию знания с практической деятельностью. «Под симулякром, – писал Ж. Делёз, – мы должны иметь в виду не простую имитацию, а, скорее, действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [24. С. 93].

Используя понятие симулякра, Ж. Делёз расширявает задачу низвержения платонизма, на чём настаивал как Р. Рорти (в своей критике истины и концепции

репрезентации), так и большинство постмодернистов: «Низвергнуть платонизм – значит заставить симулякры подняться к поверхности и утвердить свои права среди икон и копий... Симулякр – вовсе не деградировавшая копия. В нём таится позитивная сила, отрицающая как оригинал и копию, так и модель и репродукцию» [25. С. 341]. Поэтому не случайно многие постмодернисты, которые продолжают использовать понятие истины, соотносят симулякры с истиной, но трактуют последнюю весьма своеобразно, вне традиционной идеи репрезентации. Так, Ж. Бодрийяр прямо об этом пишет (хотя и довольно парадоксально) в своей книге «Симулякры и симуляция»: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет. Симулякр есть истина...» [26. С. 9]. И потому постмодернистам вполне естественно использовать симулякры для описания деятельности не столько в науке, сколько в искусстве. Например, ум художника, по их убеждению, не обязан быть верным истине этого мира и придерживаться исторической истины. Что же касается познания, то этот процесс постмодернисты чаще трактуют как своеобразную, заведомо обречённую на неудачу, вечную «погоню» за истиной как иллюзией или симулякром. Современное состояние культуры, как полагают постмодернисты, характеризуется существованием в мире подобий без образцов, копий без оригиналов, означающих без означаемых. При этом, следуя постмодернистскому децентризму и деиерархизации, упомянутые специфические подобия, копии и означающие – всё это и есть симулякры [27].

Тем самым, трактовка реальности и истины как в лингвистическом плане, так и посредством симулякров ведёт к *плюрализму*, значимость которого, однако, оказывается основополагающей для мировосприятия постмодернистов. В таком мировосприятии идеи плюрализма обрели статус *принципа плюрализма*.

Вряд ли следует постмодернистское радикальное отрицание универсального и всяких абсолютов (что, напомним, имеет в качестве последствий плюрализм) считать сугубо их несомненной новацией. К этому постмодернизм пришёл не совсем самостоятельно, а благодаря предшествующему ходу развития философии. Помимо отмеченного выше Джеймса, важное место в этом плане занимает и *постструктурализм*, который был направлением, способствовавшим, помимо прочего, разрушению абсолютов всеобщего и утверждению повышенной значимости (а далее – абсолютизации) всего случайного и единичного. На всё это, в частности, обратил внимание российский исследователь постмодернизма И.П. Ильин: «Постструктуралисты рассматривают концепцию “универсализма”, т.е. любую объяснительную схему или обобщающую теорию, претендующую на логическое обоснование закономерностей мира действительности, как “маску догматизма”» [28. С. 13]. Отсюда становится понятным тяготение постструктуралистов и генетически связанных с ними постмодернистов ко всему случайному, фрагментарному, нестабильному. С одной стороны, отрицание общей идеи, принципа, образца, модели является антидогматической установкой. С другой стороны, подобное отрицание означает отсутствие принципа отбора, «всеядность», которая может привести к

негативным последствиям. Если нельзя указать принцип отбора, то субъекту вряд ли можно сделать осмысленный выбор, что в конечном счёте может привести к пассивному состоянию ума и даже параличу действий [15].

Здесь вновь уместно привести аналогию с позицией У. Джеймса. Этот американский философ, вслед за своим соотечественником Ч. Пирсом, исповедовал так называемый *тихизм* (от гр. *tyche* – случай), т.е. воззрение, согласно которому в мире преобладает (и нередко даже господствует) *случайность*. Закономерность, существующая в мире, является вторичной, производной от «воли случая»: случайность – проявление свободы, благодаря которой в мире имеют место разнообразие и *плюрализм*. «Моя философия, – писал Джеймс, – есть то, что я называю радикальным эмпиризмом, плюрализмом, “тихизмом”, которые представляют порядок в качестве постепенно завоевываемого и всегда находящегося в становлении. Она является теистической... Она отрицает все доктрины об абсолютном...» [29. С. 498].

Элементы тихизма обнаруживаются у Рорти и постмодернистов в отношении языка. Так, они настаивают на отсутствии смысла в словосочетании «объективная истина». Истина – характеристика языка, а язык – «случаен» по отношению к человеку, и, следовательно, истина также «случайна» по отношению к человеку. При этом место «фактов» мира занимают необщезначимые (относительные) описания мира, происходит отказ от понятия о языке как о картине, за которой стоит объективная реальность. Различие между видимостью и реальностью снимается путём отказа признавать реальность, которая заменяется множеством относительно произвольных картин мира, «случайных» (и / или относительных) с точки зрения культуры, времени, возраста, этноса, языка и т.д. Отметим и то, что отказ от претензий на обладание истиной ведёт к разным следствиям – к воздержанию от суждения у скептиков и плюрализму дискурсов, «неопрагматистскому диалогу» у философов-постмодернистов. И потому в постмодернистской философии любая критика, основанная на предпосылке о существовании объективной истины, заранее объявляется «неполезной» и не имеющей смысла.

Таким образом, в философии постмодернизма имеет место уже не столько критика, а «критика критики». Такая метакритическая позиция объявляет любую критику непродуктивной как по причине равноправия различных видов дискурса и различных текстов, так и ввиду того что истина важна не сама по себе, а как средство обеспечения поведения людей, эффективного приспособления их к конкретным ситуациям в жизни и культуре [20]. Поэтому случайность и плюрализм (и плюрализм случайностей) рассматриваются у Рорти как основополагающие элементы свободы (см. [30]). И действительно, если иметь в виду социально-политическую сферу, то следует говорить о плюрализме Рорти и постмодернистов с точки зрения их приверженности ценностям свободы и либеральной демократии. Так, Рорти, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, уделял внимание понятию свободы в присущей ему самобытной, иронически-плюралистической форме, поскольку именно в этой форме, и только в ней, как он считал,

свобода обретает шанс на существование в новой философской реальности Пост-модерна.

Таким образом, рассмотрев содержание понятия «плюрализм», можно заключить, что это понятие от своего традиционного общеонтологического и общегносеологического содержания с ориентацией на общую деабсолютизацию трансформировалось до многообразия более конкретных содержаний с расширением сферы приложимости в социальную (политический, экономический плюрализм) и культурную (например, в сфере языка – плюрализм «языковых игр») области. Однако и в традиционных сферах произошла своя кон-

кретизация: от гносеологического плюрализма ответвляется методологический плюрализм (П. Фейерабенд), а в онтологическом плюрализме выделяются области плюрализма реальностей – плюрализм симулякров (а также языкового тихизма) в постмодернизме и плюрализм ценности разнообразия в современном естествознании (И. Пригожин [31. С. 34], Ю. Чайковский [32]). Тем не менее, несмотря на разросшееся множество версий плюрализма, в них всё же есть и нечто общее: в них прослеживается связь с такими идеями, как идея относительности, идея приспособляемости, идея оправдания разнообразия, идея соответствия контексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червоная Л.Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 127–135.
2. Поздняков А.А. Плюрализм в теоретической биологии // *XXII Люблинские чтения. Современные проблемы эволюции : сб. докладов : в 2 т.* Ульяновск : Ульяновский гос. пед. ун-т, 2008. Т. 1. С. 179–186.
3. Майков А.В. Границы науки и плюрализм когнитивных практик. СПб. : ГУАП, 2005. 161 с.
4. Ивлева Г.Ю. Рациональная эклектика как выражение кризиса экономической теории и способ выхода из него // *Философия хозяйства*. 2003. № 3 (24). С. 99–108.
5. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм. М. : Академия естествознания, 2011. 310 с.
6. Хойко А.В. Православие в новейших плюралистических обществах: Электронная библиотека Одинцовского Благодичиния. URL: <http://www.odinblago.ru/pravoslavie/hopko/> (дата обращения: 13.05.13).
7. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
8. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
9. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М. : УРАО, 2002. 352 с.
10. Ладов В.А. Аналитическая философия и феноменология // *Логос*. 2001. № 4. С. 7–20.
11. Громова Е.А. Социальный плюрализм как объект философского исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2007. 26 с.
12. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М. : АСТ МОСКВА, 2010. 378 с.
13. Исмагамбетова З.Н. Релятивизм: к постановке проблемы // *Актуальні проблеми психології*. Київ, 2007. Т. 7, вип. 20. Ч. 1. С. 171–174.
14. Левин Г.Д. Плюрализм // *Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 251.*
15. Шестакова М.А. Индивидуальное мышление в контексте принципа плюрализма // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2005. № 4. С. 3–18.
16. Касавин И.Т. Релятивизм // *Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 442–443.*
17. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : НГУ, 1997. 320 с.
18. Джемс В. Прагматизм. Киев : Україна, 1995. 284 с.
19. Джеймс У. Воля к вере. М. : Республика, 1997. 431 с.
20. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. М. : Традиция, 1997. С. 11–44.
21. Джохадзе И.Д. Философия как метафора (предисловие к статье Р. Рорти «Философия Хайдеггера и прагматизм») // *Комментарии*. 1998. № 14. С. 233–266.
22. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton : Princeton University Press, 1979. 401 p.
23. Делёз Ж. Платон и симулякр // *Интенциональность и текстуальность*. Томск : Водолей, 1998, С. 225–240.
24. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. 386 с.
25. Делёз Ж. Логика смысла. Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
26. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція. Киев : Основи, 2004. 230 с.
27. Маньковская Н.Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма). М. : ИФРАН, 1994. 220 с.
28. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. М. : Интрада, 1998. 255 с.
29. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. М. : Русская мысль, 1910. 518 с.
30. Казначеев П.Ф. О случайности демократии, неопрагматизме и либеральном мировоззрении. URL: <http://kaznacheev.com/site/?q=author/texts/philosophy/2> (дата обращения: 13.05.13).
31. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
32. Чайковский Ю.В. Разнообразие и случайность // *Методы научного познания и физика*. М. : Наука, 1985. С. 149–168.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 мая 2013 г.